

DOI 10.35775/PSI.2025.122.10.029

УДК 327

К.А. ЛАРИОНОВА

аспирант кафедры Политология

Дипломатической академии Министерства иностранных дел

Российской Федерации; Администратор проекта,

АО «Росатом энергетические проекты»,

Россия, г. Москва

E-mail: kamik909@mail.ru

SPIN-код 7435-7115

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: Р.Н. ШАНГАРАЕВ

доктор политических наук, кандидат экономических наук,

доцент, доцент кафедры стратегических коммуникаций и государственного

управления Дипломатической академии Министерства иностранных дел

Российской Федерации; главный редактор журнала

«Вестник ученых-международников»,

Россия, г. Москва

ЭКОНОМИКА ПРОТИВ ПОЛИТИКИ: ПОЧЕМУ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКАЯ ТОРГОВЛЯ БЬЕТ РЕКОРДЫ ВОПРЕКИ САНКЦИЯМ

Статья исследует, почему двусторонняя торговля России и Турции демонстрирует рекордную динамику на фоне санкционного давления и эрозии многосторонних правил. На основе междисциплинарного подхода (политическая экономия, критическая геополитика, институциональный анализ) показано, что ключевую роль сыграли три связи: энергетическая (газопроводы и роль Турции как хаба), логистическая (Срединный коридор, Баку-Тбилиси-Карс, реэкспортные практики) и финансово-валютная (расчеты в национальных валютах и рост финансовой вовлеченности компаний). Параллельно выявляются ограничения модели: инфраструктурные «узкие места», риски вторичных санкций, конкуренция трубопроводного газа со СПГ и внешнеполитические обязательства Анкары в НАТО. Эмпирический материал показывает, что политика санкций перераспределяет, но не останавливает торговые потоки: центр тяжести смещается от универсалистской логики ВТО к региональным и функциональным коалициям интересов. Новизна работы состоит в комплексном объяснении «устойчивости вопреки» как результату стратегического комбинирования транзитной политики Турции и адаптивных ответов России в энергетике, логистике и расчетных механизмах. Практическая значимость – в очерчивании условий, при которых экономическая рациональность способна нейтрализовать политическое давление, а также в идентификации уязвимостей, определяющих траекторию российско-турецкой торговли в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: санкции, российско-турецкая торговля, энергетический хаб, Срединный коридор, параллельный импорт, расчеты в национальных валютах; многосторонняя торговая система.

Введение. В мировой практике санкционные механизмы рассматриваются как способ повлиять на политико-управленческие решения государств, однако опыт международных отношений показывает их низкую результативность: чаще они приводят к экономическим потерям и социальным издержкам, не обеспечивая достижения заявленных целей [9. С. 3]. При этом современная глобальная экономика сохраняет взаимозависимость даже в условиях протекционизма: политические барьеры не устраняют сложные цепочки поставок и трансграничные связи. Более того, полностью исключить Россию из мирового хозяйственного оборота в силу этой «повышенной взаимозависимости» невозможно [16. С. 48, 49, 54]. На фоне ограничений особую значимость приобретает Турция, усиливающая транспортный сектор, прежде всего за счет инвестиций в железнодорожные линии, включая проект БТК. Только в 2021 году вложения в железнодорожный транспорт были увеличены на 60%, что отражает стремление страны закрепить статус регионального логистического центра. Анализ перспектив подтверждает, что Турция способна выполнять роль ключевого транзитного звена как между Китаем и Ближним Востоком, так и между Россией и ближневосточными рынками [27. С. 11, 12]. Устойчивость российско-турецкого торгового взаимодействия демонстрирует, что в условиях глобальной взаимозависимости именно логистическая и транзитная политика отдельных государств способна нивелировать ограничительный эффект санкций.

Теоретико-методологические основы исследования. В новейшей истории фиксируется отход от прежней ориентации на неолиберальные принципы и многосторонние механизмы регулирования: политизация торговли стала подрывать транснациональные цепочки поставок и усложнять международное экономическое взаимодействие. Л.С. Борлини и г. Сачердоти обращают внимание, что подобные процессы указывают на закрепление тенденции, при которой рыночные решения все чаще подменяются политическим вмешательством в торговые потоки [24. С. 18, 21]. Согласно исследованию г. Леффльмана отдельное влияние оказал рост популистской риторики, связывающей уязвимость общества с деятельностью элит, что привело к повышению эмоциональной напряженности политических дискуссий и усилению антагонизма в отношении культурных и демографических изменений. В американском контексте этот подход проявился в высказываниях Дональда Трампа, представлявших глобальную торговлю и такие соглашения, как NAFTA, источником угрозы для рабочих, потерявших традиционные формы занятости [30. С. 548-550]. Теоретический фундамент для осмысления данных процессов можно найти в марксистской традиции, где историческое развитие трактуется как отражение экономической динамики общества. При этом особое внимание уделяется неравномерности распределения благ, когда благополучие немногих сопряжено с обнищанием большинства, что подчеркивал еще Карл Маркс [29. С. 119, 120]. Политизация мировой торговли

и рост популистских дискурсов показывают, что экономические процессы все чаще становятся ареной борьбы за власть и идентичность, подтверждая марксистскую идею о решающей роли экономики в формировании исторических трансформаций.

Санкции трактуются как инструмент условно силового давления на поведение государств и иных акторов при формальном соблюдении рамок международного права. В исследовательской и практической повестке закрепился сдвиг к «адресным» форматам – мерам, нацеленным на конкретных персон, компании и финансово-политические группы, ассоциируемые с нарушением международных норм [12. С. 285]. На эмпирическом уровне фиксируется заметный макроэффект: в 2014–2016 гг. санкции снизили реальный ВВП России более чем на 1%, а в 2014–2018 гг. ограничения охватили порядка одной пятой экономики; под американские меры попали свыше 400 банков и предприятий реального сектора [1. С. 151]. Регуляторные ответы включали формирование альтернативных логистических каналов: в марте 2022 г. Постановление Правительства № 506 допустило ввоз востребованных товаров без согласия правообладателей, что позволило поддерживать критические цепочки поставок [11. С. 43]. Опыт применения санкций показывает, что даже при точечном характере ограничений их макроэкономический эффект неизбежно переплетается с адаптивными стратегиями государства, где регуляторные решения становятся частью противодействия внешнему давлению.

Россия и Турция часто рассматривались как «разорванные страны» в интерпретации С. Хантингтона – находящиеся между двумя континентами и цивилизациями; при этом их промежуточное положение трактовалось скорее как уязвимость, нежели как потенциал интеграционного моста в Евразии. На рубеже XXI века Евразия стала ареной для возвращения политической субъектности «пограничных государств», где сочетание материальных и идейных факторов придавало дополнительный вес региональной политике [28. С. 107]. В условиях нестабильной международной системы Турция, позиционирующая себя как региональная держава, использовала стратегию «автономии», превращая неопределенность в ресурс и закрепляя роль балансирующей силы. Концепция «Век Турции» объединяет политические, военные, дипломатические и экономические инструменты, синтезируя идеологические линии паносманизма, пантюркизма и панисламизма [4. С. 544, 545]. Внешнеполитический курс Анкары сочетает борьбу за лидерство на Ближнем Востоке с активным военным и политическим присутствием: от интервенции в Сирию и участия в ливийском урегулировании до расширения военных баз в Азербайджане и вовлеченности в энергетические проекты Восточного Средиземноморья. Современный турецкий подход основан на отказе от односторонней ориентации на Запад, стремлении вернуть историческую роль ключевого регионального игрока и удержании стратегической инициативы в собственной внешнеполитической траектории [15. С. 216, 220]. Позиционирование Турции как «средней державы» отражает ее стремление использовать геополитическую неопределенность не как ограничение,

а как ресурс для расширения влияния в смежных регионах. Синтез идеологических и прагматических элементов во внешней политике позволяет Анкаре выстраивать гибкую модель лидерства, сочетающую региональные амбиции с сохранением автономии от глобальных центров силы.

Российско-турецкие торговые отношения до санкционного периода. Развитие «Турецкого потока» стало важным фактором укрепления двустороннего сотрудничества: он обеспечил рост экономического взаимодействия, повысил уровень энергетической безопасности и усилил геополитический вес партнерства [6. С. 88]. Россия рассматривала Турцию не только как ближайшего соседа, но и как стратегический транзитный узел, соединяющий ее энергоресурсы с рынками Южной Европы; именно в этой логике реализовывались проекты «Южный поток» и «Турецкий поток» [7. С. 28, 29]. Параллельно развивались институциональные формы экономического взаимодействия: упрощенный таможенный коридор, введенный в 2009 г., а также механизмы легализации параллельного импорта и расширения номенклатуры товаров. Двусторонняя повестка включала снятие барьеров в торговле, наращивание совместных производственных и аграрных инициатив, а также расширение логистической инфраструктуры, что открывало путь к углублению технологического партнерства [18. С. 111]. Опыт 2000–2010-х гг. показал, что энергетические проекты и институциональные механизмы торговли превратили российско-турецкое взаимодействие в многоуровневое партнерство, сочетающее транзитную стратегию с расширением производственной и логистической базы.

Россия входит в число ведущих мировых игроков на рынке энергоресурсов. По данным Института энергетики, на конец 2020 г. доказанные запасы нефти в стране составляли 14,8 млрд т (6,2% мирового объема), что обеспечивало ей шестое место после Венесуэлы, Саудовской Аравии, Канады, Ирана и Ирака. В газовой сфере позиции России еще более значимы: обладая 37,4 трлн куб. м запасов (19,9% мировых), она существенно опережала другие государства – от Ирана и Катара до Туркменистана и США [14. С. 100, 101]. Доходы от экспорта нефти и газа также достигли исторических максимумов: в 2021 г. они составили 269 млрд долл., а в 2022 г. – уже 384 млрд долл., что подчеркивает стратегическую роль топливно-энергетического сектора в российской экономике [2. С. 66]. Доминирующие позиции России в нефтегазовой сфере и рекордные экспортные доходы подтверждают, что именно энергетика остается ключевым фактором ее международного экономического веса и определяет траекторию внешнеторговых связей.

Срединный коридор формирует сквозной сухопутно-морской маршрут из Турции в Китай через Грузию и Азербайджан с последующим пересечением Каспия и выходом либо на Казахстан, либо на дугу Туркменистан–Узбекистан–Киргизия. Запуск линии Баку–Тбилиси–Карс («железный Шелковый путь») восстановил прямое железнодорожное сообщение между Кавказом и Турцией и укрепил транспортную связанность Анкары с государствами Центральной Азии и Южного Кавказа [26. С. 2]. Развитие Срединного коридора и запуск

Баку-Тбилиси-Карс закрепили за Турцией роль связующего звена между Кавказом и Центральной Азией, усилив ее значение как транзитного узла в евразийской торговой архитектуре.

Санкционный контекст и трансформация торговых потоков. С 2014 г. США, ЕС и союзники последовательно расширяли политико-экономические ограничения против России: первоначальные меры, введенные в ответ на события вокруг Крыма и конфликта на юго-востоке Украины, со временем охватили более широкий спектр отраслей. В последующих пакетах усиливались барьеры на импорт высокотехнологичной продукции, вводились запреты на продажу и лизинг авиационной техники и комплектующих российским авиакомпаниям, ограничивались сделки с рядом госбанков и предприятий, а также операции с предметами роскоши и наличной иностранной валютой [9. С. 4, 5]. По масштабам совокупные режимы превзошли санкции против Ирана, Сирии и КНДР вместе взятых; среди ключевых мер – заморозка части золотовалютных резервов Банка России, отключение ряда банков от SWIFT, ограничения на поставки высокотехнологичной продукции и эмбарго на экспорт угля, нефти и нефтепродуктов [16. С. 48-50]. В 2022 г. к санкционным действиям присоединились США, ЕС, Великобритания, Япония, Канада и другие государства, расширив охват по секторам экономики; «третий пакет» от 26 февраля 2022 г. включал запреты на кредитование ряда российских банков, закрытие корреспондентских счетов, ограничения на сотрудничество с оборонным сектором и поставки аэрокосмического оборудования, в том числе для производителей товаров двойного назначения и российских авиаперевозчиков [23. С. 2, 3]. Масштабность и комплексность санкций ЕС и США превратили их в беспрецедентный инструмент давления, нацеленный не только на отдельные сектора, но и на базовые механизмы функционирования российской экономики. Усиление ограничений показало, что санкционная политика выходит за рамки точечных мер и превращается в форму системного вмешательства в международные экономические связи.

Анкара сознательно не присоединилась к антироссийским санкциям, что открыло пространство для «балансирования с пророссийским оттенком» при изначально более проукраинской тональности ее позиции. На фоне расколов, обнажившихся после начала конфликта в Украине, в турецком экспертном сообществе закрепилось представление о ключевой роли Турции в формирующемся многополярном порядке, где значимость региональных держав возрастает [5. С. 864, 869]. Будучи встроенной в западную систему сдерживания России в Черноморье, Турция одновременно демонстрирует внешнеполитическую автономию – «турецкий баланс» как практику гибкого уравнивания между глобальными и региональными игроками ради повышения собственного статуса [10. С. 31, 37]. Отказ осудить действия Москвы и присоединиться к санкциям усилил ее значимость для России как внешнеполитического и внешнеэкономического партнера, хотя структурная асимметрия статусов сохраняется: Россия – ядерная держава и постоянный член СБ ООН, тогда как Турция остается державой средней величины с претензией на «великодержавный» ранг [17. С. 87, 98].

Сохранение Турцией автономии от санкционной политики Запада позволило ей превратиться в гибкого посредника между конкурирующими центрами силы и одновременно укрепить собственный статус в региональной и глобальной политике. При этом асимметрия возможностей с Россией подталкивает Анкару к использованию стратегии «турецкого баланса» как инструмента минимизации уязвимостей и расширения пространства для маневра.

Турция стала одним из ключевых транспортно-логистических узлов для российской экономики, чему способствовали ее политико-географическое положение и развитая инфраструктура. В торговой практике активно применяется модель реэкспорта: товары формально фиксируются как поставки в Турцию, что позволяет скрывать конечного покупателя и напрямую перенаправлять продукцию в Россию [11. С. 44, 45]. С 2022 г. именно эта схема предопределила почти двукратный рост стоимости турецких поставок в РФ, подтверждая роль Анкары как хаба для параллельного импорта. Дополнительным направлением стала дедолларизация взаиморасчетов: в условиях валютных и платежных ограничений расширяется использование национальных валют, что также поддерживается турецкой стороной [19. С. 11]. На энергетическом уровне значимым шагом стало заключение «Газпромом» контракта 2015 г. на строительство газопровода через Черное море, рассчитанного на поставки 16 млрд м³ газа для внутреннего потребления Турции [1. С. 154]. Новые формы российско-турецкого взаимодействия показывают, что сочетание реэкспортных схем, перехода к расчетам в национальных валютах и совместных энергетических проектов закрепляет за Анкарой статус стратегического посредника в обход санкционных ограничений.

Факторы рекордного роста торговли. Газопровод «Голубой поток», проложенный по дну Черного моря, открыл новый маршрут поставок российского газа и превратил Турцию в важное звено в его экспорте. Позднее проект «Турецкий поток» унаследовал часть мощностей нереализованного «Южного потока» – 31,5 млрд м³ в год, из которых половина предназначалась для внутреннего рынка Турции, а остальной объем – для европейских потребителей [31. С. 3, 4]. Роль Анкары как энергетического посредника усиливалась и в других инициативах: TANAP и TAP укрепляли ее позиции в сотрудничестве с ЕС, а проект TR-Med, предусматривавший транзит газа из Египта и Израиля в Европу через турецкую территорию, одновременно способствовал укреплению энергетической безопасности ЕС и росту влияния Турции в регионе [32. С. 20, 22]. Совместные газотранспортные проекты усилили взаимозависимость Москвы и Анкары: Россия закрепила статус ведущего поставщика газа, а Турция получила дополнительные возможности позиционирования себя как поставщика и транзитного узла для европейских рынков. Первоначальные планы предусматривали строительство трубопровода мощностью 63 млрд м³, однако проект был ограничен двумя нитками на 31,5 млрд м³, которые начали работу в январе 2020 года [7. С. 26, 29]. Газовые проекты от «Голубого потока» до «Турецкого потока» и TR-Med закрепили за Турцией статус ключевого энергетического посредника между Россией

и Европой, превратив энергетический фактор в основу их взаимной зависимости и стратегического партнерства.

Санкционное давление осложнило использование маршрутов через Россию и Белоруссию, что повысило значимость Транскаспийского Срединного коридора, продвигаемого Анкарой и проходящего в обход России и Ирана. Еще до конфликта в Украине этот маршрут демонстрировал рост: объемы перевозок в 2020–2021 гг. увеличились на 52%, а в первые месяцы 2022 г. – более чем на 120% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года [26. С. 1, 4]. Важным элементом инфраструктуры стал железнодорожный путь Баку–Тбилиси–Карс, построенный в обход Армении и интегрированный в систему Великого шелкового пути при участии Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. Перспективы открытия Зангезурского коридора рассматриваются Турцией и Азербайджаном как возможность укрепления двустороннего альянса, имеющего и интерес для НАТО [21. С. 215, 216]. В транспортной политике Анкара закрепила как центральное звено Срединного коридора и «Железного шелкового пути», соединяющего ее с Казахстаном. По оценке Турхана, интеграция линии Мармарай позволила сократить время перевозки между Восточной Азией и Западной Европой до 18 дней [27. С. 13]. Укрепление Срединного и сопряженных транспортных коридоров закрепило за Турцией статус ключевого логистического медиатора Евразии, превратив ее географическое положение в стратегический ресурс, востребованный как региональными, так и глобальными игроками.

В 2019 г. число российских туристов в Турции достигло рекордного уровня – 7 млн человек, что на 17,9% больше, чем годом ранее; этот поток обеспечил России лидирующую позицию среди стран, формирующих турпоток в Турцию. На фоне динамики в сфере услуг заметен и рост турецких инвестиций: в 2022 г. их объем в России составил 2,063 млрд долл., что значительно превысило показатель 2019 г. (1,285 млрд долл.) [8. С. 15–17]. Рост туристических потоков и расширение турецких инвестиций в Россию демонстрируют, что сфера услуг и капитала стала важным измерением устойчивости двустороннего экономического партнерства вопреки санкционному давлению.

В 2011 г. Россия и Китай заключили валютное соглашение, позволившее использовать национальные валюты во взаимных расчетах, что стало шагом к снижению долларовой зависимости в двусторонней торговле. Уже через год товарооборот в местных валютах вырос более чем на 700%, и к настоящему времени около 7% торговых операций управляется через данный механизм [1. С. 152, 153]. Аналогичный процесс развивается и в российско-турецких отношениях: в условиях валютных и платежных ограничений расширяется использование национальных валют, прежде всего рубля, что позитивно воспринимается турецкой стороной. Одновременно усиливается финансовая вовлеченность: задолженность турецких компаний перед российскими партнерами увеличилась с 3 млрд долл. в 2021 г. до более 9 млрд долл. в 2022 г., а к 2023 г. приблизилась к 11 млрд долл., что отражает рост роли России как значимого кредитора турецкого бизнеса [19. С. 11, 13]. Расширение практики взаиморасчетов

в национальных валютах и рост задолженности турецких компаний перед российскими партнерами показывают, что финансово-валютные механизмы становятся важным измерением взаимной зависимости и усиливают роль России как кредитора в двусторонних отношениях.

Политика и экономика: баланс противоречий. После саммита ШОС в Узбекистане в сентябре 2022 года Р.Т. Эрдоган заявил о стремлении Турции стать полноправным участником организации, действующей под эгидой Китая и объединяющей политическое, экономическое и оборонное измерения сотрудничества. Встраиваясь в евразийские проекты, Анкара позиционирует себя не как дополнение к российскому присутствию, а как самостоятельную силу в инициативе «Пояс и путь», претендующую на соединение китайских, центральноазиатских и европейских рынков [25. С. 1, 4]. На протяжении XX века Турция воспринималась в категориях «моста» между Европой и Азией, исламским миром и Западом, однако в критической геополитике этот образ подвергается сомнению как упрощенный бинарный конструкт. В то же время в совместной декларации 2009 г. Москва и Анкара подчеркнули, что их двусторонние связи способствуют укреплению стабильности и развитию в Евразии и на глобальном уровне [28. С. 103, 113]. Современный этап турецкой стратегии воплощается в программе «Век Турции», нацеленной на расширение международного влияния и использование транзитного положения страны как центра энергопотоков и пересечения трех континентов. В этом контексте особое значение имеет Организация тюркских государств, где Анкара занимает лидирующие позиции, стремясь закрепить влияние в регионах от Черноморья и Средиземноморья до Кавказа и Центральной Азии [4. С. 544]. Геополитическая стратегия Анкары демонстрирует переход от образа «моста» между цивилизациями к роли самостоятельного центра силы, использующего участие в евразийских инициативах и институтах для расширения собственного влияния и укрепления международного статуса.

Современные условия параллельного импорта через Турцию формируют больше барьеров, чем преимуществ: поставщикам приходится регулярно перестраивать логистические схемы, развивать морские маршруты и искать пути минимизации дефицита на российском рынке, одновременно поддерживая политико-экономический диалог с Анкарой. Перспективы такого импорта оцениваются как рискованные, что диктует необходимость укрепления сотрудничества с Турцией с целью снижения уязвимости перед западным давлением [11. С. 46, 47]. Наибольший эффект санкций пришелся на финансовый сектор: резкое падение курса рубля в начале 2022 г., трудности при проведении международных платежей и рост неопределенности в расчетах осложнили внешнеторговую деятельность. Как отмечает в своем исследовании Д.И. Ушкалова, дополнительным фактором стала приостановка работы крупных морских контейнерных перевозчиков с российскими грузами, что замедлило доставку, увеличило транспортные издержки и отразилось на спросе на импортные товары [20. С. 218, 220]. При этом сохранялись статусные противоречия, препятствовавшие

созданию устойчивого альянса между Москвой и Анкарой: Россия воспринимала инициативы Турции по урегулированию в Сирии и особенно ее участие в карабахском конфликте как ограничение собственных доминирующих позиций в регионе [17. С. 95-96]. Для Москвы признание Турции равным партнером на Южном Кавказе означало бы ослабление ее роли ведущей военной и политической силы. Уязвимости параллельного импорта и финансово-логистические издержки усиливаются политико-статусными противоречиями, что превращает российско-турецкое взаимодействие в баланс между взаимной выгодой и конкуренцией за региональное влияние.

Санкционная политика ускорила диверсификацию внешнеэкономических связей России и подтолкнула ее к укреплению контактов со странами, сохранившими нейтральную позицию в украинском конфликте и избегающими политизации торговли. По мнению В.Н. Зуева, Е.Я. Островской и В.А. Левченко в энергетике отношения Москвы и Анкары отличаются высокой взаимозависимостью: для России ключевым остается транзитный потенциал Турции как канала выхода газа на европейские рынки [8. С. 8, 19]. Благодаря своему географическому положению между Балканами и Ближним Востоком Турция выступает энергетическим хабом, компенсирующим утраченные Россией возможности на рынке ЕС, при этом обе стороны заинтересованы в сотрудничестве без посредников. Контроль над транспортными коридорами, включая проливы Босфор и Дарданеллы, а также нефтегазопроводами, ведущими на Балканы, придает транзитному режиму через Турцию стратегическое значение для национальной безопасности России и делает Анкару важнейшим партнером Москвы [3. С. 101, 104]. Российская стратегия в энергетике закрепляет Турцию как опорное звено внешнеэкономической политики, где транзитные и инфраструктурные возможности Анкары превращаются в инструмент сохранения влияния Москвы на европейских рынках при одновременном обеспечении собственной безопасности.

Перспективы и риски развития торговли. Географическая близость Турции к ключевым экспортерам газа, включая Россию и Иран, сделала ее важным партнером на энергетическом рынке. Умение Анкары лавировать в сложных условиях укрепило ее позиции не только как потребителя, но и как транзитной страны, задав параметры ее роли в глобальной энергетике. Каждое обострение российско-украинских отношений, затрагивавшее транзит энергоресурсов, открывало для Турции возможность заявить о себе как об альтернативном маршруте, и часть этих возможностей была реализована [31. С. 6]. Преимуществом Турции является готовая инфраструктура, позволяющая компенсировать энергетический дефицит через действующие газопроводы, а в будущем – расширять поставки за счет новых проектов. Ее положение одновременно обеспечивает функции производственной базы для Европы и логистического узла, связывающего ЕС с Китаем и поставщиками энергоресурсов Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья [32. С. 20, 21]. С точки зрения Анкары, стратегическая ценность Срединного коридора состоит не только в прямом соединении с Евразией, но и в снижении зависимости тюркских государств

от России и Ирана [26. С. 2]. Важным направлением остается институциональное взаимодействие, которое может либо ускорить, либо ограничить экономическую кооперацию между Москвой и Анкарой. В текущих условиях Турция также выступает поставщиком определенных видов оборудования и транспортных средств – как через параллельный импорт, так и собственное производство [18. С. 105]. Энергетический и логистический потенциал Турции превращает ее не только в транзитный узел, но и в самостоятельного игрока, способного переопределять архитектуру региональных и межконтинентальных торговых связей.

Расширение экспорта российских энергоносителей в турецком направлении усиливает зависимость Анкары от поставок российского газа, что внутри страны воспринимается как угроза энергетической безопасности; по этой причине турецкий рынок не может считаться полноценной альтернативой европейскому. Несмотря на высокий потенциал, двустороннее сотрудничество ограничивают санкции, осложняющие доступ России к международным финансам и технологиям [8. С. 19, 20]. Долгосрочные позиции Москвы на турецком рынке подрываются конкуренцией трубопроводных маршрутов и ростом доли СПГ, где у России сравнительные слабости. Кроме того, изменившуюся конъюнктуру активно использует Китай, получая значительную выгоду от сокращения российских возможностей [19. С. 7, 11]. Усиление глобальной политической напряженности разрушает привычные торговые цепочки, повышает издержки логистики и формирует инфляционные эффекты. На этом фоне особенно заметным стало падение товарооборота между США и Китаем, что иллюстрирует глубину структурных сдвигов в мировой торговле [13. С. 12, 24]. Ограничения доступа к финансам и технологиям, конкуренция со стороны СПГ и усиление роли Китая показывают, что российско-турецкое сотрудничество развивается в условиях уязвимостей, где взаимная выгода сочетается с растущими структурными рисками.

Компенсировать потери от европейского направления возможно лишь при масштабных инвестициях в инфраструктуру: азиатские маршруты и железнодорожные сети уже работают на пределе пропускной способности. При этом сохраняется риск вторичных санкций, которые могут затронуть и те страны, что формально не присоединились к ограничительным мерам, а также эффект «cancel culture» в отношении бизнеса с Россией [20. С. 220, 221]. С геополитической точки зрения Турция остается связанной с НАТО, и в среднесрочной перспективе ее стратегическая переориентация в сторону России маловероятна. Более того, рост напряженности в регионе Черного моря будет прямо влиять на развитие военно-морских потенциалов его государств и усиливать конфронтацию между НАТО и Россией [22. С. 117, 119]. Экономическая траектория России остается неопределенной: глубина и продолжительность спада зависят от динамики геополитических процессов. Прогноз Всемирного банка указывает на возможное сокращение ВВП России в 2022 г. на 11,2%, а также на замедление роста мировой экономики, где ключевыми рисками остаются углубление санкционной конфронтации и рост цен на продовольствие [9. С. 9]. Среднесрочные сценарии российско-турецкой торговли формируются на стыке инфраструктурных

ограничений, риска вторичных санкций и сохраняющейся привязки Анкары к НАТО, что усиливает неопределенность экономической траектории России и одновременно подчеркивает уязвимость мировой экономики к геополитическим сдвигам.

Заключение. Многосторонняя торговая архитектура сталкивается с беспрецедентным набором системных вызовов, а инструментарий ВТО оказывается недостаточным для реагирования на ключевые повестки XXI века – от пандемии COVID-19 до климатической трансформации и «озеленения» производства и торговли. Исторические условия, при которых ВТО была создана и консолидирована, более не действуют; жесткая логика «единого пакета» и принуждение к единым правилам лишь углубили экономические и политические разрывы между членами организации [24. С. 42]. Кризис ВТО отражает не только институциональные изъяны организации, но и более широкий сдвиг мировой экономики к полицентричности, где универсальные правила теряют силу перед растущей фрагментацией интересов. Санкционная политика продемонстрировала, что жесткие политические рамки не способны подорвать фундаментальные интересы торговли: российско-турецкое взаимодействие выстояло за счет энергетических и логистических связей, а также перехода к национальным валютам. Этот опыт показывает, что экономическая рациональность формирует собственные правила устойчивости, игнорирующие политические барьеры и переносящие центр тяжести в сторону региональных и функциональных коалиций. Вместе с тем уязвимости инфраструктуры, риск вторичных санкций и геополитические обязательства Турции сохраняют пределы роста, превращая двустороннюю модель не в исключение, а в показатель закономерного расхождения логики экономики и логики политики в современном мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алихани С.** Меры по нейтрализации последствий санкций против России на федеральном и региональном уровнях. Федерализм. 2022. № 27 (1). DOI: 10.21686/2073-1051-2022-1-150-161.
2. **Бабичев Р.Р.** Географический анализ поставок природных ресурсов из России в условиях санкций // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. 2024. № 1 (53).
3. **Баранов А.В.** Российская энергодипломатия в отношении Турции и Сербии как компонент геополитики: сравнительный анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2024. № 4.
4. **Бедрицкий А.В.** Программа «Век Турции» и интересы России на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 5.
5. **Борзова А.Ю., Савичева Е.М., Кулумбегова Л.Т.** Проблема взаимодействия Турции и России в новых политических реалиях в исследованиях

- Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP) // Постсоветские исследования. 2022. № 8 (5).
6. **Виноградова К.А.** Стратегическое взаимодействие России и Турции в рамках строительства «Турецкого потока» // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 2. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-83-89.
 7. **Высоцкий П.А.** Эволюция энергетической политики России в Черноморском регионе // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 2 (36).
 8. **Зуев В.Н., Островская Е.Я., Левченко В.А.** Роль Турции и Китая в системе внешнеэкономических приоритетов России в условиях санкций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. № 1.
 9. **Индустриев М.А., Туманян Ю.Р.** Экономические санкции против России: выгоды и издержки // Вектор экономики. 2022. № 4 (70).
 10. **Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э.** Турция и Россия в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье: диалектика сотрудничества и конкуренции держав в меняющемся мире // Ближний и Постсоветский Восток. 2025. № 1 (9). DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.04.
 11. **Котов А.В., Аникеев С.А.** Особенности и вызовы параллельного импорта в Россию через Турцию // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 2. DOI: 10.15211/vestnikieran20254051.
 12. **Куксевич В.С.** Экономические санкции и специфика их позиционирования в современных международных отношениях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-283-287.
 13. **Машкова А.Л., Бахтизин А.Р.** Оценка последствий глобальных торговых войн для мировых экономик: инструменты и прогнозы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 1 (62).
 14. **Пылин А.Г.** Проблемы и перспективы энергетического экспорта России в условиях санкций // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 6. DOI 10.24412/2072-8042-2024-6-99-116.
 15. **Ризабаева И.А.** Трансформация внешней политики Турции на фоне глобальных вызовов // OJHPL. 2022. № 2.
 16. **Руденко Л.Г.** Экономика санкций: социально-экономические последствия и парадоксы изоляции // Фундаментальные исследования. 2025. № 7. DOI 10.17513/fr.43874.
 17. **Силаев Н., Сафранчук И.** Симбиоз и соперничество: динамика российско-турецких отношений в перспективе теории международного статуса. Международные процессы. 2023. № 21 (3). DOI: 10.17994/2023.21.3.74.6.
 18. **Ткаченко И.Ю., Попук А.В.** Институциональное сотрудничество России и Турции как фактор расширения торгово-экономической кооперации стран // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 3. DOI 10.24412/2072-8042-2025-3-103-115.

19. **Ульченко Н.Ю.** Перспективы развития экономических отношений Турции и России: поиск баланса интересов // Россия и Азия. 2024. № 2 (28).
20. **Ушкалова Д.И.** Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14.
21. **Эбжноу Д.Э.** Перспективы зангезурского коридора: риски, вызовы и пути к стабильности // Власть. 2025. № 4.
22. **Яковлева Е.С.** Российско-турецкие отношения в контексте регионального баланса сил // Восточный курьер / Oriental Courier. 2023. № 1. DOI: 10.18254/S268684310025311-0.
23. **Яндиева М.С., Горчханова М.Р.** Экономические санкции против России: последствия противостояния и возможные пути выхода // Вектор экономики. 2024.
24. **Borlini L.S., Sacerdoti G.** Systemic Changes in the Politicization of the International Trade Relations and the Decline of the Multilateral Trading System // Bocconi Legal Studies Research Paper. No. 4405388. 2023. DOI: 10.2139/ssrn.4405388.
25. **Donnellon-May G.** Turkey's Growing Influence in Central Asia // The Diplomat. 2022 // <https://thediplomat.com/2022/10/turkeys-growing-influence-in-central-asia/>.
26. **Eldem T.** Russia's war on Ukraine and the rise of the Middle Corridor as a third vector of Eurasian connectivity: connecting Europe and Asia via Central Asia, the Caucasus, and Turkey. SWP Comment, 64/2022. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik – SWP – Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2022. DOI: 10.18449/2022C64.
27. **Gabrielyan H.** Turkey as a Transport Hub: a Vision Strategy for Integrating Regional Infrastructures and Services // JOPS. 2022. № 1.
28. **Gol A.** The Geo-Positioning of Turkey in Eurasia in the 21st Century // Journal of Anglo-Turkish Studies. 2024.
29. **Hobden S., Wyn Jones R.** Marxist theories of international relations // The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations / eds. Baylis J., Smith S., Owens P. 9th ed. Oxford: Oxford University Press, 2022.
30. **Löffmann G.** 'Enemies of the people': Donald Trump and the security imaginary of America First // The British Journal of Politics and International Relations. 2021. Vol. 24. № 3. DOI: 10.1177/13691481211048499.
31. **Novikau A., Muhasilović J.** Turkey's quest to become a regional energy hub: Challenges and opportunities // Heliyon. 2023. Vol. 9. № 11. Article. e21535. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e21535.
32. **Toraman Y.** Turkey's role in silk road routes: energy supply security of European union after Ukraine – Russian war // Journal of Management Marketing and Logistics. 2022. Vol. 9. № 1. DOI: 10.17261/Pressacademia.2022.1545.

K.A. LARIONOVA

Postgraduate of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
JSC Rosatom Energy Projects, Project coordinator,
Moscow, Russia
SPIN-код 7435-7115
ORCID ID 0009-0003-5614-8215

SCIENTIFIC SUPERVISOR: R.N. SHANGARAYEV

Doctor of Political Science, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of Strategic
Communications and Public Administration, Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
Editor-in-Chief of the journal «Bulletin of
International Scholars,»
Moscow, Russia

ECONOMY VS. POLITICS: WHY RUSSIAN-TURKISH TRADE HITS RECORD HIGHS DESPITE SANCTIONS

The article examines why Russia-Turkey trade has reached record levels despite sanctions and the weakening of multilateral rules. Using an interdisciplinary framework – political economy, critical geopolitics, and institutional analysis – it demonstrates the centrality of three linkages: energy (pipelines and Turkey’s hub role), logistics (the Middle Corridor, Baku-Tbilisi-Kars, and re-export practices), and monetary-financial arrangements (settlements in national currencies and rising corporate financial exposure). The study also identifies constraints: infrastructure bottlenecks, secondary-sanctions risk, pipeline – LNG competition, and Turkey’s NATO commitments. Empirical evidence indicates that sanctions rechannel rather than halt trade flows, shifting the locus of coordination from the WTO’s universalist logic to regional and functional coalitions of interest. The paper’s contribution lies in a holistic explanation of «resilience despite pressure» as the outcome of Turkey’s transit strategy combined with Russia’s adaptive responses in energy, logistics, and payment mechanisms. Policy relevance stems from specifying the conditions under which economic rationality can offset political coercion and from mapping vulnerabilities that will shape Russia-Turkey trade trajectories in the medium term.

Key words: sanctions, Russia-Turkey trade, energy hub, Middle Corridor, parallel import, national-currency settlements, multilateral trading system.